

Г. А. КАЗАНЦЕВА, А. А. КАРПУКОВА, О. С. ЦАРЕВА

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЮРИДИЧЕСКОГО БЫТА РУССКИХ КРЕСТЬЯН (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

В статье рассматриваются обычно-правовые отношения русских крестьян второй половины XIX в., выражавшиеся в символах-знаках, символах-действиях и символах-словесных формулах. Крестьянский мир второй половины XIX в., практически изолированный от правового пространства гражданских правоотношений, урегулированных государством, оказался *terra incognita* для исследователей-современников. Внимание также уделено эволюции обычного права с XV до второй половины XIX в.

Ключевые слова: *обычай, обычное право, крестьянство, волостной суд, символы.*

Российская империя к началу XX в. оставалась аграрной страной, 85,8% жителей составляло сельское население¹, крайне слабо охваченное нормами положительного, официального права. С.В. Пахман писал в предисловии к своему двухтомнику «Обычное гражданское право в России (юридические очерки)»: «Известно, что громадное большинство нашего населения руководится, в сфере частных гражданских отношений, не писанным законом, а правилами, слагавшимися путем обычая и во многом несогласными с началами законодательства»².

Слабость позиций официального гражданского законодательства в пореформенной Российской империи можно объяснять несколькими причинами. С юридической точки зрения, требовалось создание нового гражданского уложения, а также реформа материальных норм гражданского права, реформирование правового положения физического лица, признание за каждым таким лицом равноправия. К концу существования Российской империи крестьянин, формально получавший все больше прав, в реальности был опутан административными преградами, препятствовавшими их осуществлению. Например, для получения паспорта, который означал свободу передвижения, выбора места жительства и занятий, необходимо было преодолеть сопротивление общины, не желавшей отпускать налогоплательщика, сопротивление, вполне поддерживаемое правительственными административными мерами³. Крестьянин по-прежнему рассматривался как составной элемент единицы налогообложения – общины.

---

¹ Статистический ежегодник России. 1913.

² Пахман 1877. Предисловие

³ Леонтьев 1914. С. 36-54.

Помимо реформирования материального гражданского законодательства требовалось продолжение судебной реформы, расширение ее по кругу лиц, включение в сферу коронного суда крестьян. Реформирование судебной системы, начавшееся в 1864 г. и продолжавшееся до 1917 г., так и не смогло вовлечь в свою орбиту крестьянство. Для него был оставлен волостной крестьянский выборный суд, которому даровалось право не применять нормы законов Российской империи, а использовать в судопроизводстве местные обычаи, «во многом несогласные с началами законодательства». И, кроме самой процедуры коронного судопроизводства, требовавшей серьезной подготовки к процессу каждой из сторон, присутствия тяжущихся во все время процесса, и других препятствий, это «несогласие» крайне затрудняло введение крестьянства в сферу коронного судопроизводства. Правительство предпринимало определенные меры, чтобы исправить положение. Для расширения судебной реформы требовалось понять, насколько крестьянские обычаи отличаются от официальных норм. В 1872 г. комиссия по преобразованию волостных судов исследовала этот вопрос. Вот что писал в 1874 г. М.И. Зарудный, один из членов комиссии, непосредственно контактировавший с крестьянами, характеризуя реформу крестьянского суда как «альфу и омегу» судебной реформы: «Не более трех лет тому назад обычные крестьянские суды, укрепленные Положением 19 февраля 1861 года, представлялись какою-то “terra incognita”, от которой от поры до времени появлялись лишь какие-нибудь летучие заметки»⁴. В задачу комиссии входило, в том числе, выяснить, в чем состоят материальные нормы обычного права, насколько они расходятся с официальными. На основании Трудов комиссии по преобразованию волостных судов был опубликован двухтомник С.В. Пахмана «Обычное гражданское право в России (юридические очерки)». Дальнейшая деятельность правительства по реформированию судебной системы основывалась и на работе В.Ф. Мухина «Обычный порядок наследования у крестьян. К вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению», подготовленной в 1888 г. по заданию комиссии по составлению нового гражданского уложения. Анализ крестьянских обычаев приводил авторов к противоположным выводам. С.В. Пахман считал, что обычное право русских крестьян по кругу правоотношений аналогично официальному. В.Ф. Мухин, И.Г. Оршанский указывали на значительные отличия. Задача решения вопроса о волостных судах оставалась актуальной до конца существования Российской империи.

---

⁴ Зарудный 1874. С. 3.

В условиях «terra incognita» составлялись программы разных комиссий, изучавших крестьянский быт. Кроме официальной комиссии по преобразованию волостных судов, на основе собственных программ действовали Этнографическое отделение Императорского русского географического общества, комиссия князя Тенишева, отдельные исследователи. Это обстоятельство создавало проблему, поскольку программы составлялись из вопросников, а, как известно, каков вопрос, таков ответ. Крестьяне неохотно общались с чиновниками комиссии, зачастую вообще не понимая сути вопросов. Наибольшую ценность имеют корреспонденции местных участников неправительственных программ, но это были священники, учителя, местные помещики, чиновники, а не сами крестьяне. Преодолеть проблему «взгляда со стороны» уже не удастся: мы имеем либо неполные сведения, либо не вполне достоверные трактовки обычаев и их значения в крестьянской жизни, а, может быть, и то и другое.

Возникновение волостного суда стало возможным вследствие двухсотлетней политики государства по отношению к крестьянству. Постепенное наступление государства на права тяглого населения с XVII в., прикрепление крестьян к земле и одновременно – отчуждение его от права распоряжения этой землей, дополненное потерей возможности защищать свои права в суде лично, направили гражданские правоотношения крестьян в худшем случае в административное русло, в лучшем – внутрь крестьянской общины⁵. Произошла концентрация обычаев внутри определенной категории тяглого сословия, государственных крестьян, и частично в крестьянских общинах крупных оброчных имений, система управления в которых сближалась с системой управления государственными крестьянами. Юридическое вмешательство государства в жизнь крестьян ограничивалось администрированием, в особенности в фискальных целях, преследованием уголовных преступлений и востребованием исполнения рекрутской и иных повинностей⁶. К 1861 г. сложились предпосылки создания волостных судов. Еще с середины XVIII в. в крупных оброчных имениях сформировался тот вид общины, который был привычным явлением века XIX: полная юрисдикция помещика, круговая порука в несении повинностей, самоуправление и самостоятельное решение мелких споров внутри общины⁷. Это дало основание видным историкам XIX в. (например, Б.Н. Чичерину) полагать, что крестьянская община

---

⁵ По реформе 1775 г. был создан сельский суд, предназначенный для государственных крестьян, прообраз волостного суда.

⁶ Семевский 1901. С. 115-129.

⁷ Александров 1984. С. 118-135, 264-265.

в том виде, в котором ее застала реформа 1861 г., есть продукт преднамеренной деятельности государства⁸.

Сходное с оброчными имениями положение сложилось в управлении государственными крестьянами, с той разницей, что последние находились в юрисдикции различных государственных ведомств, занимавшихся сельским населением⁹. Мелкие, незначительные для фискальных целей отношения крестьян по поводу семейных отношений, купли-продажи, займа, залога и др. в принципе не интересовали управителей и отдавались на откуп крестьянскому миру. Интересы крестьян замыкались внутри общины, ставшей единственной инстанцией в регулировании семейных и имущественных правоотношений. Процесс отчуждения крестьян от земельных прав был наиболее интенсивным в центре государства. Нельзя не упомянуть, что крестьяне как помещичьих оброчных имений, так и государственные вполне свободно распоряжались своим земельным наделом, но только в рамках крестьянской общины, что порождало необходимость регулировать и эти отношения. Правительство апробировало различные способы управления крестьянами для дворцовых, экономических и черносошных крестьян. В конечном итоге сложилась система волостного самоуправления крестьян при жестком административном контроле соответствующими ведомствами¹⁰, которая и легла в основу местного самоуправления крестьян в пореформенный период.

Обычное право как основа крестьянской жизни имеет более глубокие корни, чем волостной суд. Не требует доказательств мысль, что фундаментом средневекового права являлся обычай. Для средневековья характерно, что писаные нормы, регулировавшие, в частности, отношения права собственности, не создаются государством, оно инициирует их упорядочивание в виде Жалованных грамот, Судебников, Уложений. Юридические памятники XV – первой половины XVII в. свидетельствуют о развитых, в рамках обычного права, гражданских правоотношениях, в т.ч., и в первую очередь, о сделках с землей: акты купли-продажи, заклада, вклада, аренды, завещания (в т.ч. с участием женщин): купчие, межевые, разъезжие, меновые, рядные и т.д.¹¹ Эти акты, в случаях споров, являлись правовой основой для судебных решений. Акты заключались как привилегированными земельными собственниками: монастырями, вочинниками, служилыми и т.д., так и сельским и посадским тягловым и оброчным населением. Анализ актов данного периода,

---

⁸ Чичерин 1858. С 1-59, 60-142.

⁹ Семевский. 1901. С. 598-606.

¹⁰ Там же. С. 616.

¹¹ Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. С. 318.

в т.ч. судебных, дает возможность сделать вывод о правосубъектности различных разрядов сельского и городского населения¹², которое, совершая сделки, имело возможность иска по ним в суде. Другими словами, крестьяне обладали тем же набором прав, что и посадские жители, они могли разрешать споры, в т.ч. земельные, наравне с другими разрядами населения, и им не было необходимости разрабатывать свои, местные обычаи. Процессу отчуждения от судебных прав сельское население сопротивлялось неосознанно и стихийно, например, засыпая исками судебные ведомства в ответ на запрещение продавать землю посадским. В ряде случаев вообще не было возможности сопротивляться воле государства, например, избежать записи в Холопьем приказе, уничтожавшем вольницу в заключении договора на холопство.

Окраины, населенные или постепенно заселяемые русскими крестьянами, сопротивлялись отчуждению их земельных прав до 1830-х гг. (Новгородские, Вятские земли)¹³ и до конца Российской империи (Сибирь)¹⁴. Юридически не имея права приобретать и отчуждать землю, крестьяне окраинных территорий фактически осуществляли такие сделки, приобретая землю заимочным, захватным способом, а затем распоряжаясь ею, но, как правило, уже только в пределах общины. Необходимость урегулирования земельных отношений, не признаваемых за крестьянами государством, формировало практику частных способов такого урегулирования на основе сложившихся или складывавшихся обычаев.

Исследователи не пришли к единому мнению о содержании понятия обычного права. В.Ф. Мухин писал: «Под именем обычного или народного права в нашей юридической литературе понимаются обыкновенно юридические обычаи, действующие в крестьянской среде и определяющие, по преимуществу, юридические отношения, входящие в область гражданского права»¹⁵. Современные исследователи обычного крестьянского права, формулируя собственные определения, останавливаются на определении признаков, характерных для этого феномена. Мы попытаемся определить существенные признаки обычного права, характерные именно для крестьянской среды второй половины XIX в.

Среди главных признаков необходимо отметить устный характер изложения и наличие определенной модели поведения, предполагающей представление о «правде-справедливости», носителями которой, по видимому, являлись все крестьяне. Доказательством служит практика

---

¹² Дебольский 1903. С. 83-226.

¹³ Пахман 1877. С. 46.

¹⁴ Кауфман 1897. С. 68-73.

¹⁵ Мухин 1888. С. 3.

выборов волостных судей. Таким судьей мог быть крестьянин не моложе 35 лет, домохозяин, пользовавшийся уважением односельчан, не имеющий недоимок и желательного грамотный. Должность волостного судьи являлась выборной, по одному кандидату от каждого сельского общества¹⁶. Подчеркнем: выбирая волостного судью, общество не устраивало кандидату экзамена на знание местных обычаев, каждый крестьянин мог, и будучи выбран на должность волостного судьи, сохранять модель поведения, присущую ему в повседневной жизни. Устность обычаев не исключала применение меток, знамен, письменных актов при совершении сделок. Письменные акты отличались от официальных не только по форме, они имели специфическое содержание, не известное официальному праву Российской империи, отражая правоотношения, характерные для обычного права. Например, крестьяне заключали письменные соглашения, по которым сторона А передавала свое имущество и усадьбу взамен на обязательство стороны Б содержать до смерти и достойно похоронить сторону А¹⁷. Другой вид письменной сделки так же специфичен: это договор о передаче имущества будущим тестем будущему зятю, если бракосочетание состоится¹⁸. Таким образом, особенностью крестьянских обычаев можно назвать существование «домашнего» делопроизводства, акты которого признавались волостным судом в качестве доказательств.

Волостной суд не был популярен в крестьянской среде, традиционно разрешавшей практически все недоразумения внутри сельского общества/общины/мира на основе обычаев, здравого смысла или большинства голосов, что не требовало от крестьян никаких затрат на судопроизводство и соответствовало их пониманию справедливости. Автор статьи «Поземельная община в Орловском уезде Вятской губернии» Н. Добротворский описал передел, произведенный по результатам ревизии 1859 г. и совершенный по справедливости, как ее понимало большинство схода¹⁹. Сход, состоявший в основном из «малосильных» крестьян с трудом, но настоял на включение в передел и тех земель, которые по традиции исключались из передельного фонда. Речь шла о вновь расчищенных землях, которые назывались «росчисти», «кулиги», «чищобы». Крестьяне Вятской губернии фактически игнорировали формальный запрет на несанкционированные росчисти, прирезая расчищенные лесные земли к своему личному участку и владея им до новой ревизии. Росчисти требовали больших трудовых затрат и поначалу давали небольшие урожаи, но

¹⁶ Свод законов Российской империи. Т. IX. Особое приложение. 1864. С. 113-114.

¹⁷ Пахман 1877. С. 38.

¹⁸ Там же. С. 42.

¹⁹ Русская мысль. 1884. № 9. С. 26-61.

не были обложены податями и повинностями. Только через несколько лет (для Орловского уезда Вятской губернии – 30-35) они становились общими и включались в передельный фонд. Как правило, расчистить лес под пашню под силу было лишь «семьянистым», зажиточным крестьянам. В описанном случае «справедливость», т.е. аргументы «малосильных», одержали верх, и вся имеющаяся земля была положена в передел.

Возвращаясь к характеристике обычая, отметим, что устность изложения обычая требовала коллективности в исполнении. «Какие нужны доказательства, если весь мир об этом знает», – эта фраза цитировалась практически всеми исследователями, как сторонниками, так и противниками обычного права. Модель обычного права строилась на прозрачности крестьянского мира, одна из сторон которой – привлечение свидетелей к любой, даже малозначимой сделке. К исключениям можно отнести сделки денежного займа, которые совершались втайне и, как правило, под расписку. Привлечение свидетелей, по-видимому, не только удостоверило совершение сделки, но и определенным образом санкционировало ее, делая в глазах крестьян нерушимой и окончательной. Ярким примером служит отношение к заключению брака. Брак считался заключенным по всем правилам и признавался миром не вследствие церковного обряда, а после проведения свадебного пира, на который мог прийти каждый и без всякого приглашения²⁰. Такая открытость свадебного пира становилась процедурой удостоверения, санкционирования брака.

В качестве «коллективных исполнителей» – участников или свидетелей сделки, чаще всего выступали староста и «старики», так называли семейных мужчин независимо от возраста, они привлекались, например, к обходу изгородей (вокруг пашен и покосов) в тех местностях, где изгороди были обязательны²¹. Ко времени обхода крестьянин должен был находиться возле своей изгороди. Поскольку больше всего проблем возникало из-за потрав, за неисправные изгороди прямо на месте крестьянин мог получить порцию розог по приговору стариков. В любом случае, если крестьянин обращался к миру – в лице старосты или стариков, мир учинял коллективный розыск и наказание, не тратя времени на станового пристава или на волостной суд. По мельчайшим деталям крестьяне умели распознать имущество свое и односельчан: по характерной вязке снопа, по его виду, по заломам; по цвету муки, по оттенку цвета зерна, по его чистоте или засоренности, по годовым кольцам срубленных деревьев и т.д. Они могли сличить след, вести опросы, заставить принести клятву, т.е. в их арсенале находилась масса способов дознания и доказывания.

---

²⁰ Ефименко 1884. С. 47.

²¹ Пахман 1877. С. 55.

В наказании за правонарушение ярко выступает следующее свойство обычая: его гибкость в применении к конкретному лицу, в конкретных обстоятельствах, «глядя по человеку». В случае любого спора, и мир, и волостной суд обращали внимание на репутацию сторон либо обвиняемого, материальное положение, влиявшее на способность выплачивать повинности, и на другие обстоятельства, считавшиеся важными в определенной местности. Гражданско-правовые иски лица, имеющего положительную репутацию, утверждались волостным судом даже при отсутствии доказательств о заключении сделки²². Если приходилось прибегать к наказанию, суд устанавливал такие из них, которые не были разорительными для виновного, стараясь сохранить его платежеспособность в отношении повинностей.

Следующее свойство обычая – прогностический характер, направленность на примирение сторон. Разрешая спор, крестьяне не стремились погасить конфликт только на сегодняшний день, а думали о долгосрочных последствиях своего решения, не только для сторон конфликта, а и для всего общества в целом. Обратной стороной примирительного и прогностического характера обычая являются способы избавления от нежелательных соседей или нарушителей спокойствия. Способов, при которых мир самостоятельно, по решению схода, мог избавиться от опасных или нежелательных элементов, существовало, по-видимому, всего три, и использовались они довольно редко. Первый способ – отправить в солдаты. Как правило, при отправке в солдаты общество придерживалось обычая тянуть жребий, но в чрезвычайных обстоятельствах, при угрозе платежеспособности мира, когда, например, крестьянин становился хроническим недоимщиком, его могли отправить на службу, несмотря на то, что оставшаяся на хозяйстве жена-солдатка пойдет по миру вместе с детьми. Второй способ – отправка на поселение в Сибирь за счет крестьянского мира. Такое практиковалось, например, при недоказанном подозрении в поджоге, либо если общество признавало какого-либо крестьянина смутьяном. Отправкой на поселение старались избавиться от отбывших наказание уголовников. Это был крайне дорогой способ избавления от нежелательного соседа или соседей²³. Третий способ – убийство, показательно жестокое, применялось в отношении конокрадов и колдунов. Все три способа избавления от недоимщиков, смутьянов и просто опасных для общества, утверждались на сходе, несмотря на то, что по закону самосуд считался преступлением.

---

²² Пахман .1877. С. 68

²³ Пахман . 1877. С. 122

На решения гражданско-правовых споров влиял экономический фактор «круговой поруки». Государству было выгодно существование общины как единого налогоплательщика. Во избежание разорения провинившегося крестьянина сход или суд старался примирить стороны, и это не могло не сказаться на содержании и применении обычаев, на качестве и моральной стороне судопроизводства.

Важным свойством обычая является добровольность исполнения, т.е. внутреннее убеждение в его правомерности. Во второй половине XIX в. крестьянский мир подвергся довольно значительным переменам, в частности, усилилось вмешательство в решения волостных судов со стороны мировых посредников, съездов мировых судей, безосновательно, с точки зрения закона, требовавших пересмотра уже решенных волостными судами дел²⁴. Например, обычай придерживался практики, выраженной в формуле «сестра при братьях не наследница», что обозначало раздел наследства между братьями, при котором сестры имели право только на приданое, как правило, собранное крестьянкой лично. Вследствие неправомерного давления со стороны контролирующих инстанций, наследственные дела должны были быть пересмотрены и сестры становились полноправными наследницами, что шло в разрез с системой мышления крестьянина и с налаженной практикой раздела, ставя на грань разорения каждый из разделившихся дворов²⁵. Сами волостные суды подвергались преследованию за «неправильно» решенные дела. Во избежание наказаний в дальнейшем они решали дела не по обычаю, а по закону²⁶. В некоторых случаях суды сопротивлялись вмешательству извне и попросту не исполняли решения кассирующей инстанции. Определить соотношение выполнявшихся и не выполнявшихся решений по кассационным делам, по-видимому, уже не представляется возможным.

Крестьяне имели право обратиться в общий суд по гражданским делам, который рассматривал споры исключительно на основании закона, хотя судебный устав допускал применение обычного права. Устав гражданского судопроизводства, ст. 130 гласит: «При постановлении решения мировой судья может, по ссылке одной или обеих сторон, руководствоваться общеизвестными местными обычаями, но лишь в том случае, когда применение местных обычаев дозволяется именно законом, или в случаях, положительно не разрешаемых законами»²⁷. Это законное право могли реализовать только состоятельные крестьяне. Такие «точечные»

---

²⁴ Оршанский 1879. С. 320.

²⁵ Пахман 1879. С. 80.

²⁶ Там же. С. 86.

²⁷ Судебные уставы. С. 129-130

вмешательства расшатывали уверенность крестьян в правомерности, а главное, в возможности соблюдения обычаев. Внешнее вмешательство стало одним из факторов, разрушавших уверенность крестьян в том, что дальнейшая их жизнь, будет строиться по обычаям. Крестьян старались решать дела «по справедливости». Эта формулировка вызывала негативную реакцию А.А. Леонтьева²⁸, доказывавшего, что неопределенность и неустойчивость крестьянских обычаев не может дать основания к осознанию крестьянами абстрактного, отвлеченного понятия справедливости. Приведенный выше пример передела земли крестьянами в Вятской губернии дает представление о понимании справедливости по-крестьянски.

Итак, мы выделили существенные признаки модели крестьянского права: обычай носил устный, примирительный и коллективный характер, носителями обычаев были все, он добровольно исполнялся, имел прогностический характер разрешения споров и гибкость в применении.

Еще одна особенность обычного крестьянского права – применение различных символов для закрепления практически любого акта. Символы имели универсальный характер. К ним можно отнести символы-действия, символы словесные (выраженные в, условно говоря, юридических формулах, клятвах, «божбе») и символы-знаки. Часть таких элементов можно назвать исчезающими, так как они не применялись в чистом виде, а упоминание о некоторых из них единичны. Устные символические элементы активно смешивались с письменными способами закрепления сделок. Часть сделок записывалась в волостных книгах, часть оформлялась при свидетелях грамотными людьми, как правило, священниками²⁹. Формы актов, удостоверяющих сделки, не соответствовали установленным государством, что не останавливало волостные суды принимать их к рассмотрению. Крестьяне использовали символы-действия, и одновременно письменно фиксировали займы, залоги, завещания, куплю-продажу³⁰.

Среди символов-действий при сделках чаще всего упоминаются рукобитие, передача вещи «из полы в полу» и могарыч. Первым этапом, например, купли-продажи лошади, был осмотр животного, при котором продавец был обязан расхваливать товар. Обязанность выявления недостатков лежала на покупателе. «На гнилой товар да слепой купец»³¹. В ходе осмотра происходил и торг о цене продаваемого, а также о сумме выставяемого могарыча. Если стороны приходили к согласию по обоим

---

²⁸ Леонтьев. 1914. С. 25.

²⁹ Пахман 1877. С. 213.

³⁰ Там же. С. 215.

³¹ Ефименко С. 246.

вопросам, происходило, как правило, рукобитие³². Рукобитие, в отличие от рукопожатия, требовало свидетеля, который и разбивал рукопожатие, фиксируя, таким образом, согласие сторон, а также собственным присутствием и действием придавая сделке законный характер. Количество свидетелей при сделке упоминается редко. Роль, по-видимому, играет не число свидетелей, а их репутация, незаинтересованность и трезвое состояние. Все сделки, совершенные в пьяном виде или с пьяным, аннулировались волостным судом, а их участники, как правило, наказывались розгами³³. Исходя из такой практики, можно прийти к выводу, что свидетели сделки должны быть трезвыми, по крайней мере, до распития могогарыча. На базаре в качестве свидетеля мог привлекаться становой пристав. При купле-продаже лошади удостоверение станового пристава было обязательным и носило характер регистрации средства передвижения: он фиксировал приметы животного, данные продавца и покупателя, а также дату сделки в определенном актовом журнале. После рукопожатия в некоторых местностях копыта лошади обмывали чаем и водкой. Затем крестьяне совершали молитву в сторону церкви, если сделка происходила на улице, или молились на иконы, если сделка совершалась в доме. Следующий этап – символическая передача лошади за поводья «из полы в полу». Поводья передавались из завернутой в полу кафтана (шубы) правой руки продавца в правую руку покупателя, так же завернутую в правую полу кафтана³⁴. После этой процедуры происходило распитие в кабаке могогарыча, как правило, от полуведра до ведра водки. В Ковернинском уезде Костромской губернии бытовало и рукобитие, и подписание письменного договора, которое сопровождалось передачей лошади за узду «из полы в полу», а завершалось все «чаепитием и водкой». Если на один и тот же товар находилось несколько покупателей и все давали одинаковую цену, то тянули жребий. Проигравшим платилось отступное от 20 коп. до двух рублей. Сделка считалась состоявшейся только после того, как лошадь фактически переводилась из двора продавца во двор покупателя, а деньги за нее полностью передавались продавцу. Несколько иную картину рисует корреспондент при сделке на базаре. Речь, видимо, идет о мелкой сделке. Крестьяне, торгуясь, ударяют по рукам, каждый раз называя новую цену, при установлении подходящей для обеих сторон цены, ударяют по рукам, произнося «ну, грех пополам», снимают шапки и крестятся³⁵. Жребий (подробно описан С.В. Пахманом) применяли также в слу-

---

³² Пахман С. 42.

³³ Там же. С. 118.

³⁴ Там же. С. 44-48.

³⁵ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы... С. 275.

чаях, если за сторонами признавались равные права, либо обязанности, а за имуществом равная ценность, либо общая собственность.

К символическим действиям относятся разнообразные и многочисленные жесты, предназначенные для огласки среди односельчан, жесты, носившие репутационный характер. Труды комиссии по преобразованию волостных судов приводят примеры «нелепых» крестьянских обычаев, к которым отнесли следующий: в волостной суд обратился крестьянин А. с требованием обязать крестьянина Б. вернуть долг. Крестьянин Б. долг признал, но денег для уплаты не имел. Крестьянин А. согласился простить долг, но потребовал в знак компенсации отрезать хвост у лошади, принадлежавшей должнику³⁶. В данном случае отрезание лошадиного хвоста носило позорящий характер. Кроме этого, животное, подвергнувшееся такому действию, страдало от кровососущих насекомых и могло погибнуть. Такая форма компенсации носила синтетический характер: указывала на репутацию хозяина и одновременно могла нанести ему имущественный вред. И таких примеров позорящих жестов можно привести множество. Если можно так выразиться, степень репутационных потерь от позорящего действия зависела от контекста.

Доказательство собственности с помощью земли – один из древнейших символов. Корреспондент из Ветлужского уезда Костромской волости Кузнецов Яков Иосифович в ответе №111 пишет: «При споре о земле крестьяне целуют икону через детей, клянутся всеми святыми, проклинают себя, своих детей и свою скотину, ставят ощепок лучины в сутки. В Хмелевицкой волости в бесполезных спорах берут ком дерна и с ним обходят спорное место. На это редкие выступают: существует твердое убеждение в народе, что, кто неправильно обойдет с этим дерном между, тот непременно исчахнет и умрет»³⁷. В таком кратком ответе мы обнаруживаем перечисление вполне языческих символов-действий и символов-клятв. Из текста не ясно, все ли виды божбы («целуют икону через детей, клянутся всеми святыми, проклинают себя, своих детей и свою скотину, ставят ощепок лучины в сутки») применяются одновременно, или эти виды клятв, считавшиеся крестьянами крайним средством, употребляют каждая в определенном случае. Показательно, что такие языческие виды клятв сохранились до конца XIX в. С клятвами связан и такой вид символов как словесные формулы, которые вполне можно назвать юридическими формулами в обычном праве.

Прежде всего проанализируем практику, выраженную в формуле «грех пополам». За двумя словами кроется правило: при отсутствии со-

³⁶ Там же. С. 362.

³⁷ Русские крестьяне. 2004. С. 136.

мнений в обоснованности иска и отсутствии доказательств с обеих сторон убытки делятся поровну. Важную роль в применении принципа играет репутация истца или ответчика. Если истец предъявляет иск, не подтвержденный никакими доказательствами, таким доказательством выступает его положительная репутация, и ему присуждают половинную сумму иска. Если же у ответчика репутация недостаточно чистая, и у истца нет доказательств, с ответчика так же берется половинная сумма недоказанного долга³⁸. С.В. Пахман отдает должное принципу «грех пополам», посвятив ему целый раздел с достаточным количеством примеров. Процитируем один из них: «Д. жаловался, что Ф., под видом найма за 3 р. 50 коп., самовольно запахал и засеял его землю, которая по сдаточной цене стоит ему, истцу, 4 рубля. В доказательство найма земли, Ф. свидетелей не представил, но и со стороны Д. о самоволии Ф. в течение одиннадцати месяцев волостному правлению заявлено не было. Суд нашел, что так как заявление Ф. о найме земли у Д. «ничем не подтверждается, но с тем вместе нельзя допустить положительной мысли и на тот предмет, чтобы она действительно была засеяна самовольно, без ведома Д., поводом чему служит долговременное Д. об этом молчание, почему и нельзя дать как той, так и другой стороне полного вероятия». По предложению суда прекратить дело примирением, стороны согласились «уродившийся на спорной земле Д. озимый хлеб разделить между собою пополам, без всякой одного другому уплаты»³⁹». Но приведенный выше фрагмент из «Материалов этнографического бюро», где крестьяне называли «грехом пополам» совершенно иную жизненную ситуацию, с правовой точки зрения можно трактовать как сделку и без прибыли, и без убытка, т.е. куплю-продажу за стоимость, удовлетворяющую обе стороны, по совести, без обмана. Таким образом, формула «грех пополам» отражает, в широком смысле, все названные принципы обычного права: «глядя по человеку», стремление к примирению сторон, решение дела по совести и т.д.

Словесные формулы, пословицы и поговорки необходимо сопоставлять с контекстом их употребления в определенной ситуации и в определенной местности. Известные собиратели систематизировали пословицы по алфавиту⁴⁰ или по отношениям⁴¹. П.К. Симони опубликовал самые древние источники русских пословиц и поговорок, стараясь дать их исчерпывающее описание, в том числе датировку и место фиксирования⁴².

---

³⁸ Пахман 1879. С. 268.

³⁹ Пахман 1879. С. 423.

⁴⁰ Барсов 1770. С. 201; Снегирев 1848. С. 62

⁴¹ Иллюстров 1885. С. 11; Даль 1879. С. 48.

⁴² Симони 1899. С. 186.

Наиболее интересны те сборники пословиц и поговорок, в отношении которых есть указание на местность, такие как исследования А.Я. и П.С. Ефименко о быте крестьян Архангельской губернии. П.С. Ефименко приводит перечень пословиц и поговорок, которые можно сопоставить с историко-правовыми исследованиями А.Я. Ефименко. Например, поговорка «Брат брату складчик, а сын отцу сосед»⁴³, в других источниках «Брат брату *складник*, а сын отцу сосед», скорее всего, косвенным образом отражает правоотношения, сложившиеся в среде русского крестьянства в Архангельской губернии, исследованные А.Я. Ефименко в «Крестьянском землевладении на Крайнем Севере»⁴⁴. Авторы статьи сомневаются в том, как оценивать эту крылатую фразу – как юридическую формулу, или как поговоркой, либо как пословицу, использующую общеизвестные правовые обороты «складник» и «сосед» в применении к семейным отношениям. Тем не менее, сама формула крайне интересна для исследования.

В отношении первой части («Брат брату складчик/складник...») можно сослаться на институт складничества, предполагавший совместное долевое владение. Поначалу складниками были только родственники, в основном братья, после раздела отцовского имения, как правило, деревни. Складничество как институт известно со времен Судебника царя Федора Ивановича 1689 г., где складникам посвящены стт. 160, 162, 174, 225)⁴⁵, определявшие право пользования их совместной собственностью⁴⁶. Складничество как правоотношение и историческое явление довольно подробно исследовано как в дореволюционной литературе⁴⁷, так и советскими историками⁴⁸, статус же соседа или «суседа», не попал в орбиту активного интереса историков, возможно, вследствие однозначного толкования понятия «сусед» в Судебнике царя Федора Ивановича 1689 г. как однодеревенца (стт. 225, 169), более того, ст. 225 проводит аналогию между понятиями «складник» и «сусед».

В писцовых и переписных книгах «сусед» упоминается в качестве второстепенного персонажа, перечисляемого следом за домохозяином в числе подсосудков и захребетников. По-видимому, суседи, подсосудки и захребетники не облагались отдельным тяглом (а оброчные земли, что вполне очевидно, они не стремились взять) и жили при домохозяине, мо-

---

⁴³ Труды этнографического отдела императорского общества... 1877. С. 246.

⁴⁴ Ефименко. 1884. С. 251.

⁴⁵ См.: <http://ru.wikisource.org/>

⁴⁶ К XVIII в., по мнению А.Я. Ефименко, сторонники теории родового характера русской общины, складничество потеряло родовое начало.

⁴⁷ Островская 1913. С. 77; Ключков 1901. С. 26-51; Ефименко 1884. С. 251.

⁴⁸ Копанев 1984. С. 111-116.

жет быть, в отдельных домах, но без хозяйственных построек, которые называли кельей или избенкой. Живя при домохозяине, они занимали подчиненное к нему положение, выполняя поручаемые им работы⁴⁹. Судебник и писцовые книги по-разному характеризовали соседа как субъекта права⁵⁰. Согласно характеристике, данной соседу писцовыми книгами, это лицо подчиненное. По Судебнику 1689 г., сосед – лицо, проживающее в той же деревне, равное в правах. Как в свете таких противоречивых данных истолковать вторую часть пословицы «Брат брату складник, а сын отцу сосед», не вполне ясно. Еще больше запутывает ситуацию и ставит все с ног на голову В.И. Даль, у которого эта пословица звучит так: «Брат брату складник, а отец сыну сосед»⁵¹.

Но если пословица сложилась из реальных жизненных отношений, а не из установлений Судебника, «дожила» до XIX в, и П.С. Ефименко записывал крылатые фразы за непосредственными их «пользователями», то можно допустить, что вариант «Брат брату складник, а сын отцу сосед» утверждал равноправие братьев при наследовании или разделе, и подчиненное, второстепенное положение сына по отношению к отцу. Это можно подтвердить действовавшим во второй половине XIX в. правом отца решать, в какой мере «наградить» сына, если тот хочет выделиться из отцовского дома и начать собственное хозяйство⁵². Здесь оговоримся, что крестьянская община имела право, при жалобе выделившегося сына на несправедливый выдел (недостаточность выделенного имущества), принудить отца к справедливому выделу, если сын вел правильный, в глазах общины, образ жизни, был трудолюбив, почтителен к родителям и т.д.⁵³ Но и участие общины в выделе не меняет подчиненности невыделенного сына отцу. Таким образом, анализ одной-единственной пословицы заставляет проделать довольно значительную поисковую работу, с неудовлетворительным результатом. Единственное, что можно утверждать, это факт родственного складничества в крестьянской среде Архангельской губернии и подчиненное положение неотделенного сына.

Юридическая формула обычного крестьянского права имеет характерные отличия. Пословица, как правило, имеет предтекст, подтекст и контекст⁵⁴, т.е. она всегда иносказательна, неоднозначна и применима к разным ситуациям. Крылатые фразы, которые призывают не метать бисе-

---

⁴⁹ Островская 1913.

⁵⁰ Копанев 1984. С. 164-172.

⁵¹ Даль 1879. С. 500.

⁵² Мухин 1888. С. 153.

⁵³ Там же. С. 165.

⁵⁴ Темнов 2010. С. 218.

ра перед свиньями и не растекаться мыслью по древу, имеют библейские корни (предтекст), прочитываются отнюдь не буквально (имеют подтекст) и всегда произносятся в неопределенном числе подходящих случаю ситуаций (в контексте), относятся к истинным пословицам. Юридические же формулы конкретны и имеют определенный контекст в виде конкретного правоотношения. «Грех пополам», «чур, мое», «чур, пополам», «сестра при братьях не наследница», «мать при сыне не вотчинница» и др. нельзя считать пословицами в чистом виде, это юридические формулы. Установить перечень юридических формул, найти связь между определенным правоотношением обычного права и юридической формулой нам еще предстоит. К сожалению, собиратели русских крылатых выражений редко затрудняли себя выяснением географической локализации собираемых ими выражений, а уж тем более, не иллюстрировали пословицы зарисовками бытовых ситуаций, в которых они произносились.

Выше уже приводился пример словесных формул-клятв. Они изменялись, как правило, к обвиняемым. Сами крестьяне не очень верили в правдивость клятв, но применяли их, объясняя, что грех за ложную клятву останется на душе у клятвopеступника. Мир не сможет наказать за правонарушение, наказанием займется бог.

К третьему роду символов – символам-знакам можно отнести все метки на хозяйственных принадлежностях, эти метки определяли принадлежность вещи определенному домохозяйству. Подробное описание таких меток и их названий дает П.Я. Ефименко⁵⁵. Крестьяне ставили различные знаки на животных и на предметах быта, крестьянки отмечали, например, свои холсты особым узором и т.д. В случае потери или кражи метки служили доказательством собственности. Так, крестьянин опознал свою телегу по особой примете через пять лет после кражи⁵⁶. Интересным видом символических знаков являются бирки, которые употреблялись в случаях поклажи, передачи вещи на переделку (покраску, переработку и т.д.). Они представляли из себя дощечку с нанесенными знаками, символизировавшими количество переданного (полученного) товара. Дощечку, после нанесения знаков, разрезали вдоль. При изменении количества переданного (при возврате) соответствующее количество знаков срезалось с бирки. Переламывание бирки означало одностороннее прекращение договора и являлось также позорящим действием. С распространением практики письменных актов применение бирок стало редкостью уже в 1880-х гг. Еще один исчеза-

---

⁵⁵ Ефименко 1874.

⁵⁶ Пахман 1877. С. 268.

ющий вид юридических знаков – «знамена», т.е. метки, определявшие рубежи владения данного лица, в виде разного рода зарубок на деревьях. К юридическим меткам можно отнести и окашивание по периметру сенокосных угодий, опахивание заимки⁵⁷. Такие юридические знаки сохранялись в Сибири, как минимум, до конца XIX в.

Перечень приведенных символов не является исчерпывающим. Материал для исследований дают результаты опросов различных комиссий, в формулировках которых называются и жребии, и «грех пополам», и все перечисленные выше символы. При условии, что быт русских крестьян разных местностей довольно значительно различался, а изучение юридической стороны его началось довольно поздно, можно предположить, что на сегодня исследователям известны не все виды юридических символов, использовавшихся в крестьянском обиходе.

Крестьянские юридические обычаи, которые так бережно собирали энтузиасты и сторонники крестьянской общины, и неспешно изучали правительственные чиновники в целях совершенствования волостных судов, исчезли в результате исторических событий первой трети XX в.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX в. М., 1984. 255 с.
- Барсов А.А. Собрание 4291 древних Российских пословиц. 1770. 320 с.
- Даль В.И. Пословицы русского народа т.1, 2. М., 1879.
- Дебольский Н.Н. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII в. СПб., 1903. 440 с.
- Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Выпуск первый. Обычное право М., 1884. 382 с.
- Ефименко П. Юридические знаки // ЖМНП. 1874. С. 53-293.
- Зарудный Н.М. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874. 224 с.
- Иллюстров И. Юридические пословицы и поговорки русского народа. М., 1885. 72 с.
- Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. СПб., 1897. 277 с.
- Копанев А.И. Крестьяне русского севера в XVII в. Л.: Наука, 1984. 241 с.
- Леонтьев А.А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. СПб., 1914. 372 с.
- Мухин В.Ф. Обычный порядок наследования у крестьян. К вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению. СПб., 1888. 331 с.
- Островская М. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII веках. СПб., 1913. 96 с.
- Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879. 453 с.

---

⁵⁷ Кауфман 1897. С. 76, 168, 184.

- Пахман С.В. Обычное гражданское право в России (юридические очерки). Том 1. СПб., 1877. 463 с.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губернии / под рук. В.М. Грусмана СПб.: «Деловая полиграфия», 2004. 568 с.
- Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. тт. 1, 2. СПб., 1901.
- Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 1. СПб., 1901.
- Сергеевич В.И. Крестьянские права и общинное землевладение в Архангельской губернии в половине XVIII века. СПб., 1907. 30 с.
- Сергеевич В.И. Древности русского права. СПб., 1909. 2 т.
- Симони П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII – XIX столетий. СПб., 1899. 216 с.
- Снегирев И. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848. 503 с.
- Статистический ежегодник России. 1913 г. Издание ЦСК МВД. СПб., 1914. 333 с.
- Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть первая. 203 с.
- Тенишев В.В. Правосудие в крестьянском быту. Брянск., 1907. 192 с.
- Труды и задачи С.-Петербургского юридического общества: (Речь в юбилейном заседании общества 23 февраля 1902 года) / А.Ф. Кони. С. 65-83.
- Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. 389 с.
- Энгельгардт А. Н. Из деревни: 12 писем: 1872–1887. СПб.: Наука, 1999. 638 с.

REFERENCES

- Aleksandrov V.A. Obychnoe pravo krepostnoi derevni Rossii XVIII – nachalo XIX v. M., 1984. 255 s.
- Barsov A.A. Sbranie 4291 drevnikh Rossiiskikh poslovits. 1770. 320 s.
- Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda t.1, 2. M., 1879.
- Debol'skii N.N. Krest'yanskaya deesposobnost' po russkomu pravu do kontsa XVII v. SPb., 1903. 440 s.
- Efimenko A.Ya. Issledovaniya narodnoi zhizni. Vyp. pervyi. Obychnoe pravo. M., 1884. 382 s.
- Efimenko P. Yuridicheskie znaki // ZMNP. 1874. S. 53-293.
- Zarudnyi N.M. Zakony i zhizn'. Itogi issledovaniya krest'yanskikh sudov. SPb., 1874. 224 s.
- Ilyustrov I. Yuridicheskie poslovitsy i pogovorki russkogo naroda. M., 1885. 72 s.
- Kaufman A.A. Krest'yanskaya obshchina v Sibiri. SPb., 1897. 277 s.
- Kopanev A.I. Krest'yane russkogo severa v XVII v. L.: Nauka, 1984. 241 s.
- Leont'ev A.A. Krest'yanskoe pravo. Sistematischeskoe izlozhenie osobennostei zakonodatel'stva o krest'yanakh. SPb., 1914. 372 s.
- Mukhin V.F. Obychnyi poriyadok nasledovaniya u krest'yan. K voprosu ob otnoshenii narodnykh yuridicheskikh obychaev k budushchemu grazhdanskomu ulozheniyu. SPb., 1888. 331 s.
- Ostrovskaya M. Zemel'nyi byt sel'skogo naseleniya Russkogo Severa v XVI–XVIII vekakh. SPb., 1913. 96 s.
- Orshanskii I.G. Issledovaniya po russkomu pravu obychnomu i brachnomu. SPb., 1879. 453 s.
- Pakhman S.V. Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii (yuridicheskie ocherki). T. 1. SPb., 1877. 463 s.
- Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nrvy. Materialy «etnograficheskogo byuro» knyazya V.N. Tenisheva. T.1 Kostromskaya i Tverskaya gubernii // pod ruk. V.M. Grusmana SPb.: «Delovaya poligrafiya», 2004. 568 s.

- Semevskii V.I. Krest'yane v tsarstvovanie Ekateriny II. tt. 1, 2. SPb., 1901.
- Semevskii V.I. Krest'yanskii vopros v Rossii v XVIII i pervoi polovine XIX v. T 1. SPb., 1901.
- Sergeevich V.I. Krest'yanskie prava i obshchinnoe zemlevladienie v Arkhangel'skoi gubernii v polovine XVIII veka. SPb., 1907. 30 s.
- Sergeevich V.I. Drevnosti russkogo prava. SPb., 1909. 2 t.
- Simoni P. Starinnye sborniki russkikh poslovits, pogovorok, zagadok i proch. XVI–XIX stoletii. SPb., 1899. 216 s.
- Snegirev I. Russkie narodnye poslovitsy i pritchi M., 1848. 503 s.
- Statisticheskii ezhegodnik Rossii. 1913 g. Izdanie TsSK MVD. SPb., 1914. 333 s.
- Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda, s izlozheniem rassuzhdenii, na koikh oni osnovany. Chast' pervaya. 203 s.
- Tenishev V.V. Pravosudie v krest'yanskom bytu. Bryansk., 1907. 192 s.
- Trudy i zadachi S.-Peterburgskogo yuridicheskogo obshchestva: (Rech' v yubileinom zasedanii obshchestva 23 fevralya 1902 goda) / A.F. Koni. S. 65-83.
- Chicherin B.N. Opyty po istorii russkogo prava. M., 1858. 389 c.
- Engel'gardt A. N. Iz derevni: 12 pisem: 1872–1887. SPb.: Nauka, 1999. 638 c.

Казанцева Галина Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры Всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный университет имени Козьмы Минина, kazantsga@yandex.ru

Карпукова Альбина Анатольевна, старший преподаватель кафедры Всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный университет имени Козьмы Минина, alikata@yandex.ru

Царева Ольга Сергеевна, магистр кафедры Профессионального образования и управления образовательными системами, Нижегородский государственный университет имени Козьмы Минина, olga-car00@rambler.ru

Symbolic elements of the legal traditions of Russian peasants in the second half of the 19th century

The article deals with the customary law of the Russian peasants of the second half of the 19th century, expressed in symbols-signs, symbols-actions and symbols-verbal formulas. Particular attention is given to the analysis of the evolution of customary law from the 15th to the second half of the 19th century. The peasant world of the second half of the 19th century, essentially isolated from the legal framework of civil law relations, regulated by the state, has turned out to be terra incognita for contemporary researchers.

Keywords: custom, customary law, the peasantry, the volost court, symbolic elements.

Galina Kazantseva, PhD in Pedagogy, Associate Professor; Minin Nizhny Novgorod State Pedagogic University; kazantsga@yandex.ru.

Albina Karpukova, Lecturer, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogic University; alikata@yandex.ru.

Olga Tsareva, master, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogic University; olga-car00@rambler.ru.